

С.Д. Смирнов

ЧЕМ ГРОЗИТ ПСИХОЛОГИИ ОТСУТСТВИЕ ОБЩЕПРИНЯТОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕЕ ПРЕДМЕТА?

Анализируются причины и последствия отсутствия в современной психологии общепринятого определения ее предмета. Утверждается, что прорыв в понимании предмета психологической науки может быть достигнут прежде всего за счет движения «снизу», т.е. достижений в области конкретно-научной и прикладной работы психологов, а не за счет преимущественного движения «сверху» в форме методологической рефлексии. Формулируются требования к вновь предлагаемым определениям предмета психологии, выполнение которых может повысить кумулятивный эффект и преемственность в такой работе. Делается вывод, что работа над определением предмета психологии полезна, но функции такого определения в дальнейшем развитии науки весьма ограничены. Приводятся аргументы в пользу мультипарадигмального характера психологической науки, следствием которого является невозможность построения «единой» (тем более монистической) теории психического. Обосновывается неизбежность и плодотворность в этих условиях позиции «методологического плюрализма».

Ключевые слова: Предмет психологии, объект психологии, методология науки, парадигма, методологический плюрализм, мультипарадигмальная наука, единая теория психического, «бутстрэпная» теория, «сетевое» мышление.

Многие отечественные авторы утверждают, что отсутствие принятого всеми (или хотя бы большинством научного сообщества психологов) определения предмета психологии служит едва ли не главным тормозом развития плодотворных научных исследований и практических разработок в этой области. В одной из последних работ такого рода [6] говорится: «Определение предмета психологии осуществляет ряд важных функций. ...В целом в начале XXI в. понимание предмета, которое сложилось в современной научной психологии, является многоступенчатым («декларируемый», «рационализированный», «реальный»), что не позволяет сколько-нибудь удовлетворительно решать стоящие перед наукой задачи.

Важно и другое, «закрывая» эту проблему (как часто это и происходит), мы лишаемся надежды на установление какого-либо взаимопонимания в психологии» [6, с. 27].

Лично у меня такая постановка вопроса вызывает большие сомнения, а именно:

1. Действительно ли общепринятое определение (в более мягкой формулировке – «понимание») предмета психологии есть то звено, взявшись за которое мы можем резко «двинуть вперед» психологическую науку и практику?

2. Возможно ли сначала выработать общее понимание предмета психологии, а затем воплотить его в широком потоке реальных исследовательских и прикладных работ?

3. Не является ли, наоборот, новое определение и понимание предмета науки, скорее, результирующим этапом мощного рывка в конкретно-научной работе?

4. Можно ли предложить новое понимание предмета без создания новых методов?

5. Насколько содержательным может быть определение предмета психологии, чтобы оно было одинаково адекватным для таких разных случаев, как исследование психики амёбы и человека?

6. Возможно ли, в принципе, единое (какое-то одно) понимание предмета психологии? Ведь оно может опираться только на единую теорию психического. И неужели авторы полагают, что психологи могут всерьёз рассчитывать на построение такой теории, если даже в физике до сих пор не создана единая теория поля?

7. Неужели другие, успешно развивающиеся, науки (например, биология) уже пришли к единому пониманию своего предмета (например, сущности живого в отличие от неживого)? И наблюдался ли у биологов резкий расцвет науки после мощной и успешной методологической работы по прояснению своего предмета?

Выражая эти сомнения, я вовсе не хочу сказать, что методологическая работа, направленная на осмысление предмета психологии не нужна. Она, безусловно, полезна, интересна и даже необходима. Но, во-первых, нужно понять ее реальные функции и значение ее результатов для развития науки; а, во-вторых, (и это даже важнее) сформулировать определенные требования, соблюдение которых может сделать методологический дискурс о предмете психологии более продуктивным и обеспечить ему кумулятивный эффект

благодаря большей преэмптивности в развитии идей и большему взаимопониманию между членами научного психологического сообщества. Настоящая статья содержит некоторые аргументы в пользу предлагаемых ответов на сформулированные выше вопросы. Разумеется, существуют и другие аргументы и, безусловно, возможны другие ответы, которые всегда интересно услышать, если только они не излагаются в форме обвинений в неадекватности и ошибках [9, с. 110]. Тон учителя других членов научного сообщества не добавляет убедительности аргументам, а, скорее, свидетельствует об их дефиците, что особенно ярко проявляется при апелляции к авторитетам.

* * *

Все согласны, что вопрос о предмете психологии, безусловно, является методологическим, но при этом абсолютное большинство авторов новых формулировок предмета психологии явно или неявно исходят из посылки, что можно ограничиться частнонаучным (конкретно-научным) уровнем методологического знания, т.е. собственно психологической теорией, и при этом получить какие-то новые, значимые результаты. Рассмотрение проблемы на уровнях общенаучной и философской методологии реализуется гораздо реже и, как правило, другими авторами. Негативные последствия такого подхода выступают особенно явно, когда речь идет не о предмете отдельного исследования, а о предмете науки в целом. Часто новые формулировки предмета психологии представляют собой продвижение вперед только в плане личной языковой компетенции автора, позволяющей ему более или менее удачно замаскировать нерешенность (я бы даже сказал

принципиальную неразрешимость) проблемы предмета психологии как простого указания на какую-то часть реальности или ее аспект.

В этом случае формулирование предмета науки осуществляется в отрыве от метода, с помощью которого научные знания добываются, фиксируются или даже конструируются (говоря более современным языком). Метод в широком смысле этого слова, понимаемый как совокупность исходных принципов, средств и процедур исследовательской деятельности, фактически строит предмет исследования.

Рассмотрим этот вопрос несколько более развернуто, затронув проблему дифференциации понятий предмета и объекта науки. В русскоязычной литературе нет единого взгляда на критерии различения объекта и предмета науки. Большинство авторов придерживаются позиции, развернуто сформулированной П.Я. Гальпериным [2], о том, что различные науки могут выделять в одном и том же объекте разные стороны (аспекты), делая их предметами своего исследования. Приводится знаменитый пример В. И. Ленина со стаканом (объект), который может стать предметом исследования физики, геометрии, эстетики и т.д. В.А. Ядов [16], поясняет, что средством вычленения (высвечивания) предмета в объекте исследования выступает проблема.

Более развитую систему понятий для методологической рефлексии научно-исследовательской деятельности предлагают профессиональные методологи. Так, Э.Г. Юдин [13, с. 51] в качестве наиболее общих и широких методологических понятий рассматривает «познавательную ситуацию и объект исследования». Первая включает в себя познавательную трудность (т.е. разрыв

между поставленной в науке проблемой и недостаточностью имеющихся для ее решения средств), предмет исследования, требования к продукту, который должен быть получен в результате исследования и средства организации самого исследования. Под объектом науки понимается не просто непосредственно наблюдаемая реальность, на которую можно указать. То, что часто определяется как объект науки, Э.Г. Юдин предлагает называть эмпирической областью. Чтобы превратить непосредственно наблюдаемую реальность (эмпирическую область) в объект исследования, требуется выявить устойчивые и необходимые связи в данной области и закрепить их в системе научных абстракций. Иначе говоря, объект исследования тоже строится исходя из познавательной трудности и проблемы, подлежащей решению. Только после этого возможна формулировка предмета исследования, в который входят объект изучения, исследовательская задача, система средств исследования и последовательность их применения. Наиболее общим предметом исследовательской деятельности является предмет науки в целом. К средствам исследования относятся фундаментальные понятия науки, с помощью которых расчленяется объект изучения и формулируется проблема, принципы и методы изучения объекта, средства получения эмпирических данных, включая технические средства.

Попытка указать на предмет науки как на некоторую часть или сторону реальности без учета исследовательской задачи (проблемы), средств исследования и т.д. является методологически наивной и, в принципе, не может привести к сколько-нибудь приемлемому

для всего научного сообщества (или его существенной части) результату. Традиционно считается, что первым предметом психологии как науки выступило сознание, и это нашло свое отражение в названии первого научного направления в этой области — «Психология явлений сознания». Но это же направление называлось «интроспекционистской психологией» (по основному методу добывания фактов); «ассоцианистической психологией» (по основному объяснительному принципу); «атомистической психологией» (по принципу выделения единицы анализа психики); «созерцательно-сенсуалистической психологией» (по роли субъекта в формировании психического образа); «механистической» (по названию науки, у которой позаимствована основная парадигма); «структуралистской психологией» (по характеру исследовательской задачи, сформулированной В. Вундтом и Э. Титченером) и т.д. Все эти названия дополнительно раскрывали понимание сознания как предмета психологии в тот период развития науки, и это понимание существенно отличается от более поздних направлений психологии, делавших акцент на изучении сознания (например, в гуманистическом психоанализе Э. Фромма или в теории высших психических функций Л.С. Выготского).

Из сказанного можно сделать вывод, что дискуссии о предмете психологии рискуют остаться малопродуктивными, если мы не уточним само содержание этого понятия и не согласимся на более или менее общепринятую его интерпретацию. Выявление и формулирование предмета психологии — это особый вид деятельности определенного слоя научного сообщества, результаты которой имеют некоторое (как прави-

ло, весьма незначительное) влияние на конкретные психологические исследования. А.А. Пископелль назвал такую деятельность неким неизменным феноменом, фактом жизни психологического сообщества [7]. Позволяет ли незначительность влияния результатов такого рода деятельности на практику конкретных исследований говорить о полной невостребованности или даже ненужности методологических изысканий в области предмета психологической науки в целом. Отнюдь нет. Как справедливо отметил В.П. Зинченко на одной из конференций, заниматься нужно всем, что интересно; я бы добавил — что вызывает интерес у научного сообщества. К сожалению, других, более объективных, критериев просто нет.

Т. Кун через семь лет после выхода его книги «Структура научных революций» написал в послесловии к ее японскому изданию, что «Если бы эту книгу надо было бы написать заново, то ее следовало бы начать с рассмотрения сообщества как особой структуры в науке ... каждое научное сообщество, как правило, имеет свой собственный предмет исследования» [4, с. 230–231]. Он точно уловил тенденцию все возрастающего значения понятия «научное сообщество» не только в социологии науки, но и в методологии как таковой. И если научному сообществу профессионально интересны изыскания в области предмета психологии, значит, оно положительно оценивает их эвристический потенциал. Но развитие науки носит поступательный характер и позволяет говорить о кумулятивном эффекте только в том случае, когда (по Т. Куну) мы имеем дело с «нормальной наукой», успешно решающей свои головоломки в рамках парадигмы, принятой данным научным сообществом. Частным

вариантом такого сообщества может считаться научная школа, а разные школы могут подходить к одному и тому же предмету с разных (порой несовместимых) точек зрения [4, с. 231].

Для психологии очень актуален вопрос, находится ли она в допарадигмальном или постпарадигмальном периоде своего развития. Или вообще она, в силу своеобразия предмета, относится к особому типу наук принципиально мульти- или полипарадигмальных, что вполне вписывается в модель развития науки, построенную П. Фейерабендом [11] и названную им «эпистемологическим анархизмом». Именно П. Фейерабенд подчеркнул специфичность, а не универсальность законов развития каждой науки, и специфичность эта определяется не только особенностями самого предметного знания, но и особенностями внешних условий ее развития, включая социокультурную ситуацию. Выдвинутый им принцип пролиферации (размножения) теорий, заключающийся в необходимости создания новых теорий, противоречащих уже существующим и общепризнанным, с целью их критики еще до столкновения с контрпримерами, очень точно отражает состояние теоретического багажа современной психологии.

Если мы принимаем полипарадигмальный характер психологии, то различные понимания ее предмета не только не являются препятствием для ее успешного развития, но и неизбежны, поскольку отражают наличие разных исследовательских задач, разных средств и организационных форм исследовательской или практической деятельности в разных психологических школах и подходах. Более того, разнообразие трактовок предмета науки яв-

ляется неперенным условием ее развития, поскольку за ними стоят различные методологические основания, различные теории и практики.

Ситуация множественности методологических подходов и, соответственно, средств методологического анализа, которые одновременно являются и истинными (если это понятие вообще применимо к методологическому знанию), (адекватными), и ложными (неадекватными), в зависимости от массы привходящих условий, провоцирует самые разные установки исследователей и практиков относительно роли методологического знания и целесообразности его использования в конкретном исследовании, а также разные «методологические эмоции» (по выражению А.В. Юревича).

1. Методологический нигилизм. Часть психологического сообщества (особенно значительная среди практикующих психологов) полагает, что всякая методологическая рефлексия уводит от сути дела в дурную бесконечность бесплодного философствования и вербализма – позиция в чем-то перекликающаяся с установками позитивизма.

2. Прямо противоположную позицию можно обозначить как «**методологический ригоризм**» или «**методологический монизм**». Его сторонники считают, что должна существовать единственная «подлинно научная» методология, строгое следование которой является критерием научности. Призыв к построению такой методологии часто можно услышать из уст «ностальгирующих» по временам, когда такую функцию почти директивно исполняла «марксистско-ленинская методология науки». На уровне конкретно-научной методологии сторонники этой позиции стремятся к

построению «единой теории психического». Однако современные концепции природы и сущности научного знания (постнеклассическая наука по В.С. Степину [10]) оставляют все меньше надежд на то, что построение такой теории в принципе возможно.

3. Странники **«методологического либерализма»** полагают, что разные типы психологического объяснения релевантны разным уровням детерминации психического, при этом каждый уровень или слой обладает самостоятельной значимостью и принципиально не заменим ни одним другим. В качестве основного поля приложения сил методологии предлагается рассматривать переходы между разными уровнями, а наиболее перспективным каркасом для построения связной системы психологического знания «представляются комплексные, межуровневые объяснения, в которых нашлось бы место и для смысла жизни, и для нейронов и для социума...» [14, с. 356].

4. Наконец, сторонники **«методологического плюрализма»** полагают, что, в принципе, нельзя рассчитывать на создание единой психологической теории за счет связывания принципиально различных предметов анализа даже за счет «комплексных межуровневых переходов». Такой позиции придерживается и автор данной статьи. Поскольку каждая теория конституирует свой предмет и метод исследования, построение единой теории психического предполагало бы создание универсального метода исследования психической реальности. При такой постановке вопроса возможность появления такой теории даже в отдаленной перспективе представляется нереальными.

Методологический плюрализм — система взглядов, согласно которой адек-

ватность тех или иных методологических средств психологического анализа (включая и собственно психологические теории на уровне конкретно-научной методологии) может быть выявлена только в ходе «методологического эксперимента», и не может существовать теория даже самого высокого уровня, которая бы априори была пригодной для преодоления вновь возникающей познавательной трудности. А именно на такую роль претендовала бы «единая теория психического». Понятие методологического плюрализма практически синонимично понятию «полипарадигмальности» психологии, по крайней мере, на современной стадии ее развития.

С моей точки зрения, методологический плюрализм заслуживает не сожаления как неизбежное зло, а одобрения как важнейшее условие развития науки. Попытка найти какое-то одно (единственно правильное) определение зиждется на убежденности в возможности построения единой теории психического, своеобразной метатеории, которая выполняла бы роль методологического ориентира для любого частного психологического исследования или психологической практики. Перспективы появления такой теории в близком будущем нулевые, скорее всего, она вообще невозможна, поскольку аналогичных теорий нет даже в гораздо более развитых науках. В любом случае формулировка предмета науки в целом должна быть заключительным звеном в построении единой теории, когда уже сформулированы исследовательские и практические задачи, описаны все основные методы исследования, единицы анализа и объект науки.

Наивной представляется вера в возможность построения нового концептуального каркаса науки за счет

«проводимой сверху методологической реформы» (выражение Э.Г. Юдина [13, с. 122]). На самом деле радикально новые представления о предмете психологии и соответствующие понятия для его описания могут быть сформулированы лишь постфактум как результат обобщения конкретно-научных исследований, в которых реализованы эти новые представления, но не сформулированы явно, не эксплицированы. Иначе говоря, дело обстоит не так, что сначала необходимо сформулировать новые и по каким-то методологическим критериям более адекватные трактовки предмета психологии, а потом воплотить их в конкретно-научных психологических исследованиях. И хотя мы всегда имеем дело с встречным процессом «сверху — вниз и снизу — вверх», тем не менее основные события, основные приращения конкретно-научного знания происходят «внизу», там, где теория сталкивается с реальностью.

Сказанное не означает, что дискуссии о предмете психологии лишены всякого смысла. Широкое обсуждение предмета психологии в 60–70-х гг. прошлого века в советской психологии послужило толчком к развитию методологических работ и оставило значимый след в истории науки. Но что точно необходимо, так это более глубокая и всесторонняя рефлексия самой работы по определению предмета всей психологии, ее отраслей, конкретных исследований и практик. В качестве примера приведу весьма интересную статью В.Д. Шадрикова [12], в которой автор предлагает рассматривать в качестве предмета психологии «мир внутренней жизни человека». Но как тогда быть с животными или младенцами? И с какого возраста у ребенка появляется «внутренняя жизнь», каков критерий? По-

нять природу трудностей, возникающих при попытке выделить в качестве предмета исследования то **общее**, что есть в любом живом существе, наделенном психикой, весьма несложно. Ведь это **общее** очень бедно по содержанию. Тип исследовательских и прикладных задач, средства исследования и прочие составляющие предмета науки принципиально иные в случае психики амёбы и психики человека. И таких качественных ступеней в развитии психического очень много.

В качестве главного итога всего, что было сказано выше, можно сформулировать следующие предложения для повышения кумулятивного эффекта безусловно интересных и полезных для научного сообщества дискуссий по предмету психологии.

1. Необходимо с самого начала раскрыть, как понимает автор нового подхода к предмету психологии соотношение предмета науки с объектом, методом, исследовательской задачей.

2. Желательно указать, в чем автор видит основной смысл «методологического дискурса о предмете психологии». Возможно, этот дискурс важен как развивающая игра, как способ удовлетворения познавательных-эстетических потребностей, как условие успешного решения проблем преподавания учебной дисциплины «Психология». Нужно указать, какие последствия для конкретно-научных исследований может иметь тот или иной ответ на вопрос о предмете психологии?

3. Очень важно зафиксировать представления автора о статусе психологии как науки — находится ли она на допарадигмальной (т.е. донаучной) стадии развития, или она, в принципе, относится к полипарадигмальному типу наук в силу специфики ее предмета или

других причин. Адекватно ли для описания психологии понятие перманентного кризиса или какие-то другие модели из области методологии и логики науки лучше схватывают специфику структуры и роста психологического знания?

4. Весьма полезно отрефлексировать, какая общеметодологическая позиция автору ближе — методологический нигилизм, ригоризм, либерализм или плюрализм (как они сформулированы выше) или заявить свою оригинальную позицию по этому вопросу.

5. Предлагая новые подходы к пониманию предмета психологии или конкретные его формулировки, автор должен начать огромную работу по экспликации неявных принципов, теоретических конструкций и, главное, методов, использование которых только и может превратить «вербальные упражнения» в работающий орган живого «тела науки», а также функций такого необходимого конструкта, как предмет науки, на которые, в частности, указывает В.А. Мазилев [6].

С точки зрения автора данной статьи, основной, исходной и, безусловно, всеобщей функцией психики является построение модели (субъективного образа) будущего и подчинение поведения живого существа этому еще не наступившему будущему, которое, впрочем, может и не наступить вовсе (достаточно вспомнить пример Н.А. Бернштейна со смертью от страха смерти [1]). Не наступает прогнозируемое будущее часто и для продолжающего жить существа. Разумеется, такое подчинение будущему невозможно без реакций на абиотические раздражители (критерий психического, предложенный А.Н. Леонтьевым и А.В. Запорожцем [5]). Но все более утверждаю-

щиеся в современной психологии представления об активной природе психического предполагают, что надежное психикой живое существо не ждет пассивно очередного воздействия стимула, чтобы начать прогнозировать будущее, а непрерывно осуществляет такой прогноз на всех доступных для него уровнях взаимодействия с миром. Гетерархическая система таких прогнозов на разных уровнях и составляет то, что можно назвать «образом мира» живого существа. Известный зоопсихолог К. Фабри использовал это понятие и именно в таком значении применительно к рыбам и другим низшим животным. Мне представляется, что **совокупность процессов построения образа мира и его функционирования в качестве регулятора внешнего поведения и внутренней жизни живого существа и составляют самое широкое понимание объекта психологии** [8].

Если настаивать на дифференциации понятий объекта и предмета науки, то спецификация последнего требует дополнительного уточнения познавательной задачи и средств исследования. Эта работа приобретает определенный смысл, если речь идет о конкретном исследовании или даже целой отрасли науки. Но говорить о так понимаемом предмете психологической науки в целом можно будет только после появления единой теории психического, что в лучшем случае может произойти в отдаленном будущем и лишь после создания единой теории «физического», «биологического» и т.д. То есть раньше этот путь должны пройти другие, более развитые («продвинутые») науки.

В этом смысле поучительно и небезынтересно для психологов наблюдать за борьбой идей в физике, где пока еще

численно преобладающей части научного сообщества, стоящей на позициях поиска фундаментальных «кирпичиков» материи, противостоят сторонники сетевой модели Вселенной, согласно которой «Природа не может быть сведена к фундаментальным сущностям вроде “кирпичиков” материи, но должна пониматься исключительно на основе внутренней связности, “прощурованности” отдельных компонентов, “логически связанных друг с другом и в самих себе”» [3, с. 43–44]. Новый подход, названный «бутстрэпной»¹ гипотезой и даже «бутстрэпной» философией, провозгласил отказ от строительной-архитектурной метафоры в науке (отсюда пошли понятия фундамента, каркаса, «кирпичиков» материи и т.п.) в пользу метафоры сети. Лидер этого направления в физике Джефри Чу, создавая новую единую теорию субатомных частиц, «не только отказывается от идеи фундаментальных «кирпичиков» материи, но вообще не принимает фундаментальных сущностей – констант, законов или уравнений. Материальная Вселенная рассматривается как динамическая сеть взаимосвязанных событий. Ни одно из свойств какой-либо части этой сети не является более фундаментальным: все свойства одной части вытекают из свойств других частей и общая связанность взаимоотношений определяет структуру всей сети» [3, с. 44].

Именно отрицание абсолютно «твердых» (незыблемых) оснований любого научного знания (в том числе естественно-научного) вызывает неприятие зарождающейся новой парадигмы многими учеными, считает Д. Чу. «Вся идея науки в некотором смысле проти-

воречит «бутстрэпному» подходу, потому что ученый хочет, чтобы вопросы были ясно сформулированы и могли получить недвусмысленную экспериментальную проверку. «Бутстрэпной» же схеме свойственно не считать абсолютными никакие понятия; мы всегда готовы обнаружить слабость в старых понятиях. Мы постоянно развенчиваем понятия, которые считались фундаментальными и использовались для постановки вопросов» (цит. по [3, с. 58–59]).

В такой сети отношений без твердых оснований описание предмета может начаться во множестве различных мест. Здесь нет ясной начальной точки. Невозможно предсказать свойства какого-то объекта и вывести результаты определенного взаимодействия исходя из свойств «кирпичиков» и некоторых фундаментальных законов. Появление новых объектов в сети приводит к перестройке всех отношений внутри нее, поскольку у всех остальных объектов появляются новые свойства (которые невозможно предсказать заранее). Научные теории никогда не могут дать полного и определенного описания реальности. Мы имеем дело только с последовательной аппроксимацией, приближением к истине. Описывая избранные группы явлений, мы всегда вынуждены отбрасывать другие группы явлений как менее значимые в данном (интересующем нас) отношении. В принципе, невозможно понять «все сразу», поскольку Вселенная безгранична во многих отношениях.

Если теория работает хоть в каком-то отношении, то она уже истинна в определенной аппроксимации. Рассмотрение ее ограничений – первый шаг к ее продвижению. Нет ни одного бесспорного факта (есть аппроксимации

¹ От английского *bootstrap* – шнурки ботинок, зашнуровывание.

с большими или меньшими ограничениями)! Теории, описывающие такую реальность, не могут быть не чем иным, как сетью взаимосвязанных понятий, каждое из которых не является более фундаментальным, чем другие. По мере развития теории взаимосвязи в этой сети становятся все более определенными и вся сеть становится более сфокусированной (лучше «прощнурованной»).

Наука будущего может представлять собой мозаику пересекающихся между собой теорий и моделей «бутстрэпного типа» Ни одна из них не будет более фундаментальной, чем другие (не будет нуждаться в «твердых» основаниях), и все они должны быть взаимосогласованными. Наука такого рода выйдет за пределы условных границ между дисциплинами, используя те языки, которые оказываются более подходящими для описания различных аспектов взаимосвязанной структурной ткани реальности [3, с. 61]. Перспектива превращения «бутстрэпной» теории в новую парадигму физического знания открывает пути для понимания любой науки как, в принципе, мультипарадигмальной. «Физик, который способен рассматривать любое количество частично удовлетворительных моделей без каких-либо предпочтений, уже именно поэтому бутстрэпщик» [3, с. 52]. Разве не так обстоят дела в психологии фактически на протяжении всего периода ее развития? Многие современные ученые называют это состояние кризисным и молятся о чуде явления нам новой («подлинно научной») психологии, построенной на твердом фундаменте четко сформулированных законов из прочных «кирпичиков» достоверных фактов, армированных жестким концептуальным каркасом.

Но если в других науках произойдет замена строительно-архитектурной метафоры идеала научного знания на сетевую, то вполне может оказаться, что психология с ее мультипарадигмальным характером научного знания движется к тому же идеалу с противоположной стороны. И призывать надо не к построению красивого и прочного, но статичного храма, а к построению изначально динамичной, но гораздо более взаимосвязанной сети психологических теорий, ни одна из которых не является более фундаментальной, чем другие. Особый путь психологии к такому идеалу научного знания (минуя более или менее удовлетворительные статичные конструкции начальных стадий развития естественных наук) был предопределен большей сложностью и динамичностью ее объекта. Ведь именно переход к изучению более сложных и динамичных объектов в физике вызвал к жизни саму постановку вопроса об отказе от такой привлекательной строительно-архитектурной метафоры и замене ее на сетевую — такую «зыбкую» и неопределенную, где властвуют не твердые факты, но аппроксимации²; где непозволительно говорить об истинности³, а только лишь об удовлетворительности теории в том или ином отношении с теми или иными ограничениями; где нет непрерывного «пространства-времени» и т.п.

Становится все более очевидным, что сам мир не построен на «твердых»

² Д. Чу (и не он первый) справедливо утверждает, что «при тщательном анализе «факты» в действительности оказываются приблизительными представлениями» (цит. по [3, с. 60]).

³ «Грубо говоря, ученые никогда не имеют дело с истиной; они имеют дело с ограниченными и приблизительными описаниями реальности» [3, с. 59].

основаниях, а представляет собой динамическую сеть взаимосвязанных событий (сеть динамических отношений), и более или менее адекватно, хотя и всегда приблизительно, описать его может только сеть взаимосвязанных, но гибких и постоянно перетекающих друг в друга понятий и теорий, ни одна из которых не является более фундаментальной, чем другие. Звучащие на этом фоне призывы к построению «единственно правильной» психологической теории и прекращающиеся попытки сведения всей психологической реальности к какой-либо одной категории воспринимаются как вполне архаичные. А.В. Юревич назвал их «форсированным монизмом» [15, с. 105]. Справедливо критикуя этот подход, А.В. Юревич своим определением оставил сторонникам его некоторую надежду. Можно подумать, что «нефорсированный монизм» имеет шансы на успех, что со временем (если не форсировать события) храм на твердом фундаменте будет построен.

Из сказанного вовсе не следует, что психология идет впереди всех других наук и может послужить для них моделью. Вряд ли кто-то будет спорить, что сама психология находится на ранней стадии своего развития. Она действительно вносит вклад в становление нового идеала науки, но подходит к нему как бы с другой стороны, стоящие перед ней задачи совсем иные, чем те, которые стоят перед современной физикой. Наши понятия и концепции недостаточно взаимосвязаны, не «прошнурованы» ни внутри себя, ни с другими теориями и подходами; практически не уделяется внимания проблеме изначальных ограничений применимости того или иного психологического знания. Именно этим, прежде всего, должна заняться психология (скрупулезно и

терпеливо, не рассчитывая на быстрый прогресс) вместо того, чтобы мечтать о единственном решающем открытии, которое раз и навсегда дало бы основание единой психологической теории.

Многие физики уже поняли несбыточность этой мечты и встают на другую путь — путь построения сети взаимосвязанных понятий и теорий, ни одна из которых не является более фундаментальной, чем другие. И развитие теории должно заключаться в том, что взаимосвязи в этой сети становятся все более и более определенными («любая возможность возрастания связности указывает на имеющуюся где-то неполноту»), а сама сеть становится все более и более сфокусированной. Согласно Д. Чу, «"бутстрэпная идея", доведенная до своего логического конца, предполагает, что существование сознания, наряду с другими аспектами природы, необходимо в общей связи целого» (цит. по [3, с. 53]).

Отвечая на вопрос, сформулированный в начале статьи, можно сказать, что отсутствие в настоящее время общепринятой формулировки предмета психологии не грозит никакими серьезными последствиями для судеб научной психологии и не является скольконибудь значительным препятствием на пути ее развития. Возможно, более или менее общепринятое определение предмета (объекта) психологии появится со временем, но оно выступит, скорее, не условием эпохального прорыва в науке, а результатом, фиксирующим достижения такого прорыва. Понимание предмета должно вырасти «снизу» — от конкретно-научной исследовательской и прикладной работы; оно не может быть спущено «сверху» как результат прорыва в собственно методологической работе. Но любое новое понимание предмета психологии

будет затем меняться и развиваться с развитием самой науки и психологической практики.

Но с точки зрения автора данной статьи, в принципе, невозможно дать содержательное определение предмета науки, которая изначально имеет мультипарадигмальную природу, при том, что ни одна из теорий не может считаться более фундаментальной, чем другие. В случае смены языка описания идеалов научного знания со строительно-архитектурного на сетевой в результате радикального изменения модели Вселенной, все науки станут, по-видимому, мультипарадигмальными. А роль методологической работы по определению предмета и методов научного исследования будет тем более значительной, и результаты такой работы тем более эвристичны, чем более конкретные познавательные или прикладные задачи решаются в этом исследовании. Эвристическая же ценность формулировок предмета науки в целом и сейчас (на современном этапе развития науки) невелика и вряд ли существенно вырастет в будущем.

Литература

1. *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. — М.: Медицина, 1966.
2. *Гальперин П.Я.* Введение в психологию. — М.: Изд-во МГУ, 1976.
3. *Капра Ф.* Уроки мудрости. — М. — Киев: Изд-во Трансперсонального института, 1996.
4. *Кун Т.* Структура научных революций. — М.: Прогресс, 1977.
5. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. — М.: Изд-во МГУ, 1965.
6. *Мазилев В.А.* Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал. — 2006. — Т. 27. — № 1. — С. 23–34.
7. *Пископтель А.А.* Предмет психологии как методологический дискурс // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. — Ярославль: МАПН, 2004. — С. 246–254.
8. *Смирнов С.Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения. — М.: Изд-во МГУ, 1985.
9. *Соколова Е.Е.* К проблеме соотношения значений и смыслов в научной деятельности // Психологический журнал. — 2006. — Т. 27. — № 1. — С. 107–113.
10. *Степин В.С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.
11. *Фейербах П.* Избранные труды по методологии науки. — М.: Прогресс, 1986.
12. *Шадриков В.Д.* О предмете психологии. Мир внутренней жизни человека // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 1: Методология психологии. — Ярославль: МАПН, 2003. — С. 332–349.
13. *Юдин Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978.
14. *Юревич А.В.* «Методологический либерализм» и парадигмальный статус психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 1: Методология психологии. — Ярославль: МАПН, 2003. — С. 349–357.
15. *Юревич А.В.* Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. — Т. 27. — № 1. — С. 97–106.
16. *Ядов В.А.* Социологические исследования. Методология, программа, методы. — М.: Наука, 1987.